

В завершение Года литературы мы вновь обращаемся к творчеству нашего земляка – одного из «12 симбирских литературных апостолов» Аполлона Аполлоновича Коринфского. Книга «Народная Русь» дорога нам и сейчас, автор собрал и сохранил для нас описание народных традиций и обрядов, составил свой месяцеслов.

Предлагаем вниманию читателей главы о зимних народных праздниках. Добавим, что даты даны по старому стилю.

Аполлон КОРИНФСКИЙ

«НАРОДНАЯ РУСЬ»

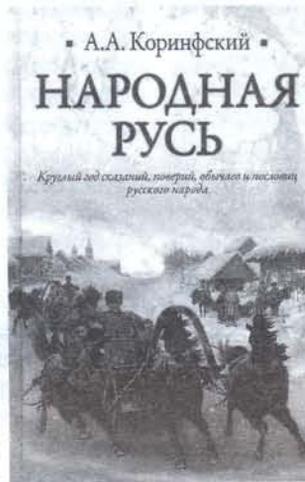
главы из книги

ДЕКАБРЬ МЕСЯЦ

Догорит-померкнет алая зорька вечерняя на Андреев день – и ноябрю, листоною, студеному, конец. Проснет-ся наутро красное солнышко, смотрит: двенадцатый, последний, месяц стоит на дворе, декабрем слывет, «студенем» прозывается. У сородичей русского пахаря есть для этого месяца и другие имена: «грудзень» – у поляков, «просинец» – у чехов со словами, «волчий» – у сербов, «великобожничьяк» – у кроатов. «Декабрь год кончает – зиму починает!», «Год декабрем кончается, а зима зачинается!», «Тороват декабрь месяц, что и говорить: старое горе кончает, новому году новым счастьем дорожку стелет!», – говорит крылатое слово народа-простодума об этом богатом стужею месяце, говорит-приговаривает: «Горя у декабря полная котомка – бери, не жалко, а счастьем старик силен на посуле: одна его сила – много праздников да морозы засилье берут!»

Первый день декабря-студеня – память святого пророка Наума, что, по старинному присловью, народ наумит. «Пророк Наум наставит на ум!», – гласит об этом угоднике Божиим народная мудрость: «Помолись пророку Науму – он, батюшка, и худой разум на ум наведет!», «Как ни наумь, а все старика Наума не перенаумишь!», «Наш Наум – себе на уме: слушать – слушает, а знай – щи хлебает!», «Недоумка-дурака хоть Наумом назови – все умней не станет!», – замечают деревенские краснословы, которым за словом в карман не ходить, когда оно у них с языка само походя просится.

В стародавние годы, – а местами это соблюдается еще и теперь, – с Наумова дня было в обычае начинать обучение детей грамоте. К 1-му декабря сговаривались чадолюбивые родители с приходским дьячком или иным умудренным в книжном деле человеком. Приходил на Святую Русь пророк Наум, – раньше раннего будили ребят-малышей. «Просьпайтесь ранехонько, умывайтесь белехонько, в Божью церковь собирайтесь, за азбуку принимайтесь! Богу помолитесь – до всего дойдете: святой Наум наставит на ум!» – приговаривалось всегда при этом. Всем се-

мейством шли к обедне, – Богу молились, пророку Божьему молебн служили, неуклонно-непреложно веруя, что этим молебном испрашивается Божье благословение на принимающихся за трудное, не для всех постижимое дело науки. В «Народном дневнике» оказано должное внимание этому обычаю. Учителя, по свидетельству собирателя сказаний русского народа, встречали в назначенное время «с почетом и ласковым словом, сажали в передний угол с поклонами», воздавая подобающую дань преклонения пред его мудростью и ответственностью принятого им на себя дела, считавшегося наособицу угодным Богу. Отец подводил сына к учителю, передавал из рук в руки, просил «научить уму-разуму», а

за леность – «учащать побоями». Обычай требовал, чтобы мать стояла в это время в некотором отдалении и заливалась слезами горючими. «Иначе – худая молва пронеслась бы в околотке!». Будущий ученик отдавал своему, грозному для него учителю три земных поклона, каждый из которых сопровождался ударом плетки, заранее положенной перед наставником предусмотрительными родителями. Нет слов, – удары были не особенно сильные. После этого приближалась родимая матушка посвящавшегося в науку отрока, сажала сынка за стол, подавала ему узорчатую костяную указку. Учитель принимал еще более прежнего строго-внушительный вид и развертывал свой букварь. Начиналось велемудрое учение: «аз-земля-ер-аз». Умилявшаяся мать снова принималась плакать, – на этот раз еще сильнее прежнего, – просила-молила «не морить сына за грамотой». Первый урок, и впрямь, был неутомителен: он не шел дальше первой буквы русской азбуки – заканчивался «азом». Затем букварь бережно завертывался в холстину и укладывался умудренным в книжном деле человеком на божницу, за святые иконы. Успокоившаяся мать принималась угощать гостя всем, что есть в печи – чем Бог послал. После угощения подавали учителю каравай хлеба ситного и полотенце – первый от хозяина, последнее – от хозяйошки. Иной раз завязывался в узелок полотенца и пятак-другой – от усердия родимой матушки будущего мудреца. Затем с поклоном про-

вожали учителя до ворот, – чем обычай, заведенный жившими по «Домострою» предками, и завершался.

Пророк Наум другого пророка Божия на Русь ведет: помнится Православной Церковью 2-го декабря святой Аввакум (в просторечье – «Абакум»). В Абакумов день «понаумленного» накануне мальчика снаряжали к учителю. С букварем и указкой в руках шел ученик; обок с ним – болезная матушка сердобольная несла горшок гречневой каши, зарумяненной на славу, не жалеючи промасленной. Не возбранялось также принести учителю что-нибудь и поздобнее каши – курицу, а то и гуся.

3-е декабря – день святого Иоанна-молчальника, в который даже и самые словоохотливые старушки дают молодежи добрые советы вроде того, чтобы «не болтать языком – что овца хвостом», «не говорить вздору – не выносить из избы сору» и т.п. В этот же день повторяются на Руси старые изречения: «Слово серебро, молчание – золото!», «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь!», «От одного слова, да навек ссора!», «Бритва скребет, слово – режет!». Не малое, а великое значение придает русский народ живому слову, которым он так богат. «Человеку дано слово, скоту – немота!» – говорит он, под корень подрезая этим сопоставлением любезные сердцу благочестивых старушек Божьих приведенные выше поговорки: «Что слово, то и дело!», «Слово – закон, словцо – олово!», «И клад со словом кладут: кому дастся, а кому – нет!», «Не дав слова, крепись, а дал – держись!», «Скажу слово, берегись – обожгу!», «Слово пуще стрелы разит!», «Твое бы слово, да Богу в уши!» Величает народ слово и на иной лад, – зовет его «красным», да не только словом, а и «словечушкой»: «Ласково словечушко – что вешний день!» – приговаривает он, прибавляя к этому: «То и человек хорош, коли он кому – слово, кому – словцо, а кому и словечушко!», «Не бойся той собаки, которая лает, бойся той – что молчит!» По народному убеждению – «Злое слово ведуну по свету ходит, а доброе словцо – красной девицей!», «От злого слова не станется!», «Ласково словечко не трудно, да споро!», «Хорошая молва дело растит; жаль, что добрая-то дома лежкой-лежит, а худая далече бежит!» Воздавая почет живому слову, народная Русь, однако, порою непрочь и оговорить слишком щедрых на него краснобаев. «Ты ему слово, а он тебе десять!», «На словах-то он скор, да на деле не спор!», «Слово слову рознь: словом Бог мир создал, словом Иуда предал Господа!», «На словах – так и сяк, а на деле – никак!», «Его слова на воде вилами писаны!», «Твое слово дешево, ты на словах как на саях, на словах – что на гусях, а на деле – как на копыле!», «У него слово родит, третье само бежит, слово за словом, а коснись до дела: стой, не туда заехали!» – говорится в народной Руси.

За Абакумами – Варвары-великомученицы (4-е декабря). «Варвара мосты мостит (на юге) – домашивает (на севере)!». «На Варвару зима дорогу доваривает!», «Все тепло да тепло, погоди – придет Варвара: заваряют и морозцы!», «Трещит Варюха – береги нос да ухо!» – можно услышать в народе об эту пору студеную. Имя этой домашивающей, по народному представлению, зимние ледяные мосты святой тесно связано с помнящимися в следующие дни (5-го декабря) преподобным Саввою и (6-го) Николаем Чудотворцем. По записанным В. И. Далем поговоркам – «Варвара мостит, Савва стелет, Никола гвоздит!»,

«Варвара заварит, Савва засалит, Никола закует!» Даже о праздничном гулянье говорит сельщина-деревенщина, связывая эти три имени: «Лучше не саввить и не варварить, а пониколить!», «Просаввились мужики, проварварились, последний грош прониколдили!» и т.п. Деревенские погодоведы примечают, что «к Варварам» день становится как будто подлиннее: «Варвара ночи урвала», – говорят они, – «ночи урвала – дня притачала!»

Слагатели русских народных стихов духовных посвятили великомученице Варваре целый ряд своих песенных сказаний. В разных местах – разные и стихи поются. В одном именуется она «красной невестой небесна чертога», в другом – «красною девой», которую «кровь (пролитая за Христа) украшает»; третий, подслушанный в Симбирской губернии, заканчивается возгласом: «Царствуй, девице, со Христом веки, Варваро прекрасная!»; по словам четвертого (Смоленской губ., Краснинского уезда) она – «закон благодати»; пятый стих – совершенно иного склада. Вот начальные строки его, в достаточной степени свидетельствующие о его народном – не книжном – происхождении:

«Свет-рай за рекой
И ангелы за быстрой;
Рай-свет перевесил
На нашу сторонку:
Как на нашей на сторонке
С неба благодать»...

Наибольшую ценность должно придать, однако, не этой простодушной песне, а сказанию чисто поповскому. В нем пересказывается все житие великомученицы, приукрашенное цветами простонародной речи цветистой. «Во времена Максимиана царя, безбожного эллинского цесаря, славен-богат был родом эллин, в Илиополе, звался Диоскором. Родилась ему дочка единая, Варвара именем мученица. Красотою она весьма пригожа, ровныя ей нету под небом...» – начинается сказание. Выстроил, – говорится в нем далее, – эллин Диоскор своей дочери высокий терем и посадил ее в нем, окружив девушками-прислужницами. «Глядит она на небо и землю», – повествует безвестный сказатель, – и загорается у ней в душе мысль о том, кто сотворил все видимое? Девушки-прислужницы пытаются объяснить ей, что мир создали боги. «То не истина», – отвечает им святая Варвара, – «ибо те боги рукою сотворены, потому что они бездушные истуканы. Как бы могли они все то уточнить? Я никогда не могу тому уверовать!» Время шло... Пришла пора думать о свадьбе. «Выбирай дочка, кого хочешь мужем – кого, дочка, душа твоя любит!» Дочь – и смотреть ни на кого не хочет. Отец разрешает ей гулять по городу – чтобы «видеть, где меж себя молодежь водится». Принялась Варвара гулять, начала водиться с христианскими девушками и стала она все более и более питать склонность к христианству. Строили мастера у ее отца баню, – строили, «два окна проделывали». Уговаривала Варвара проделывать, вместо двух, три окна. Отказывались сначала мастера – из боязни Диоскора, но все-таки сдались на просьбу. Возвращается однажды эллин домой, пошел на постройку – видит три окна. На вопрос о них дочь отвечает ему: «Три окна во образе Троицы, Отца, Сына и Лице Духа Святого». Выхватил саблю «Диоскор проклятый» – хочет убить Варвару. Стала она бегать

перед отцом, а он – гоняться за ней. Но молитва ее была услышана: «как добежала она к той горе каменной, гора перед нею сама отворилась». Стал искать ее Диоскор, найти не может. Обратился он к пастухам, пасшим овец по склону горы. Указал ему один из них «перстом на горы». Пошел он по указанному пути, нашел свою дочь – Варвару, и «за власы схватил он ее», воротился в город, – «за власы влекет он ее, бьет нещадно палицей, предал ее игемону Маркиану: научи мне сию окаянную, отврати ее от назарейской веры и мучь ее, как знаешь горше!» Начал Маркиан «прельщать ее речами»... – «Жаль, дева, дивной красоты твоей, что предашь муче тело свое и позоришь твоего родителя; того ты, несчастная, и желаешь, ибо ты веру нашу попрали и богов наших посрамили!» В ответ на эти речи великомученица Варвара говорит, что она хочет пострадать за Христа. Эти слова распалили гневом игемона, отдал он ее «немилостивым мучителям». Били-терзали они ее воловьими жилами, бросили чуть не замертво в глубокую темницу. Настала полночь. Совершилось великое чудо: засияла светом небесным темница, сошел в нее Христос. Перевязал Он кровавые раны Своей исповеднице, – «до зари она прекрасно исцелела». Когда поутру привели ее к Маркиану, он, увидев ее здоровою, сказал: «Видишь богов наших святую силу! Как они тебя прекрасно исцелили, свою милость тебе показали!» Держит ответ ему страдалница: «Не от богов твоих ложных пришло мне сие исцеление, но то Христово драгое промышление. Боги ваши и глухи, и немые!» Обуял гнев диавольский игемона, приказывает Маркиан повесить ее на дереве. Начались новые, тягчайшие, муки для святой Варвары: «гребнями ее по телу драли и свечами ребра ей палили, и молотом бьют по голове ее, – дай богатыря, кто бы то стерпел!» Но великомученица, ободряемая верою в Бога, терпит безропотно. Стояла неподалеку от нее «жена некая, Юлиана звана», умилилась зрелищем до слез: «Дай мне, Боже, да могу стерпети, с Варварою придти к тебе Богу!» И принялась она хулить игемона нечестивого, и предали ее на муки вместе с «невестой Христовой». Видя, что не сильны святой верою никакие муки, повелел игемон повести мучениц за город и отрубить им головы. Отец Варвары-великомученицы, Диоскор, взял с собою саблю острую и, не зная границ лютой жестокости, отсек дочери «честную главу». Стих кончается карою Божией, постигшею нечестивых мучителей: «Диоскору да и Маркиану казнь дана им от Бога: Маркиан шел с горы, ударила его молния с высоты, Диоскор сидел в дому, грома его с неба поразили. Слава Богу и Богородице и Варваре, Божьей мученице!»...

Пройдет святой Савва-освященный, «просалит морозом землю»; за Саввою – Никола-зимний, со всем веселым «николиньем» этого любимого простонародного праздника. О приуроченных народной памятью к этому дню своеобразных, из глубокой старины идущих обычаях – свой сказ наособицу, как и о целом звене поверий, обступающих день св. Спиридона («Спиридон-солноворот») – 12-е декабря.

Как прошла «красная пивом да пирогами» Никольщина, повернули Спиридону на лето, а зиму на мороз, минул Евстратиев день (13-е декабря), смотрит деревня, а до перелома-половины декабря всего одни сутки остались («Калинники» – 14-е декабря). 16-го декабря – Аггеев день. «Пророк Аггей иней сеет»

– по народной примете. Примечают погодоведы взятые, что – если на Аггея инея много, будут и Святки с мягкой погодушкой. Мороз на Аггея – стоять ему до самого Крещения. В семнадцатый день заканчивающего год месяца – память пророка Даниила и святых отроков Анании, Азарии и Мисаила. Седая старина чествовала в московской и новгородской Руси эту память зрелищем «Пещного действия».

Далеким отголоском этого последнего является торжественное разжигание за околицей костра в ночь с 17-го на 18-е декабря, сохранившееся в иных местностях северных губерний. Собирается вокруг такого костра деревенская молодежь и, когда разгорится особенно сильно, – в него бросают трех слепленных из снега кукол. Тающим снегом заливают костер, и все расходится по домам. По примете – если скоро загаснет под снеговыми куклами пламя, то Святки будут богаты ясными-ведренными днями, ко всякой гулянке сподручными; если же долго будет тлеть-дымиться костер, то надо ждать буранов-метелиц да жестоких морозов нестерпимых, – таких, что даже и птица на лету станет мерзнуть.

19-го декабря, кроме других угодников Божиих, чествуется, по православному месяцеслову, память преподобного Ильи Муромского, мощи которого почивают под спудом в Киево-Печерской лавре. В народной – крестьянской Руси имя этого святого нераздельно сливается с именем сказочного богатыря Ильи Муромца, подвиги которого, воспетые в былинах, не могут изгладиться в памяти народа-пахаря, нивы-поля чьи охранял-берег «матерой казак» – среди братьев-богатырей старшой-наибольший – ото всякой наносной беды-невзгоды, от воррга лютого, вора-нахвалящца. Этот богатырь (Илья Муромец, сын Иванович), просидевший сиднем тридцать лет и три года «близ славнаго города Мурома, в том ли селе Карачарове», является олицетворением несокрушимой силы богатырской дружины, могучим охранителем стольна-города Киева от «поганой орды», налетавшей на Русь православную. Он, по свидетельству стародавних былин, с честью-славою несет на своих могутных плечах немалую службу родине, обороняя рубеж великокняжеский. Он, один он, остается «надежей» ласкового князя Владимира – Красна-Солнышка, когда все другие богатыри поразойдутся-поразедутся во все четыре стороны света белого – искать, с кем померяться своей мочью-силой богатырскою. С большим вниманием останавливаются сказания на Илье, неоднократно возвращаясь к нему, чтобы лишним раз – при подходящем случае – вызвать воспоминание об его мощном облике. Да и не одни былины, а и сказки с песнями, честь-честью воздают матерому казаку, славою своею пережившему всю семью богатырей древнекиевских, вплоть до наших дней дающему изобильную пищу воображению народа-песнотворца.

Яснее всего представляется он в три поры своего богатырского века: в былинах о каликах перехожих, зашедших в Карачарово и «поднявших» будущего богатыря с места его тридцатитрехлетнего сиденья; затем – в былинах о первой поездке его в Киев, стольный град, и, наконец, в былине о Калин-царе. Из многочисленных разносказов этих былин встает во весь рост пред слушателями-читателями излюбленный народной памятью славный-могучий богатырь.

Первый по старшинству лет в гриднице богатырской, первый и по силе между составляющими семью-дружину Володимерову, добродушный, хотя и не дающий спуска ничьей обиде-похвальбе, Илья Муромец всегда и везде – на первой очереди в устах хранителей былины старины стародавней. Первая богатырская поездка его подробно описывается в посвященной ей отдельной былине. Едет, – гласит она, – старый (ни в одной былине он не зовется молодым), – едет старый ко стольному городу той дорогой прямоезжею, которую залегла вражья сила ровно тридцать лет, – едет через те леса брянские, через черны грязи смоленские, где поставил заставы крепкие Соловей-разбойник, не пропускающий мимо себя безданно-беспощинно ни конного, ни пешего. Во лесах темных, во брянских, наезжал Илья на самого Соловья-разбойника, тридцать лет хозяйвшего, по своему воровскому изволению, на Святой Руси. Не страшится Илья ни его шипа змеиного, ни рева туриного – пускает богатырь стрелу разбойнику во правый глаз, привязывает Соловья к седельной луке, проезжает заставы крепкие. Не соблазняет матерого казака старого золотая казна, не трогают его богатырского сердца слезные мольбы жены разбойничьей, – стегает он коня по крутым бедрам, везет неслыханную, нежданную-негаданную добычу в Киев – стольный град. На пиру у светлого князя Владимира выпивает незванный гость Илья за единый дух «чару зелена вина в полтора ведра», повествует о своем первом подвиге, поимке вора-разбойника, залегшего дороги прямоезжею. Но этот, изумивший всю богатырскую дружину подвиг теряет немалую долю своего значения при дальнейшем ознакомлении с судьбою матерого казака, расчищавшего пути-дороги русскому народу православному.

«Подымался злой Калин-царь, злой Калин, царь Калинович, из орды, золотой земли, ко стольному городу со своею силою поганою»... Поднялся и встал на Днепре, в семи верстах от города. «А сбиралось с ним силы на сто верст, а от пару было от конинаго, а и месяца, солнце померкнуло!» Шлет Калин-царь ярлыки свои: «Владимир-де, князь стольнокиевский! А наскоре сдай ты нам Киев-град без бою, без драки великия!» Кабы не Илья – быть бы «великому сорому» на всю Святую Русь; сдал бы князь Киев силе татарской... Вызволлил богатырь князя из беды, уложил наземь чуть не всю орду... «Схватил Илья татарина за ноги, который ездил в Киев-град, и зачал татаринном помахивать: куда ли махнет, тут и улицы лежат, куда отмахнет – с переулками»... Побежали пришельцы лютые, незванные гости поганые, – побежали, кричат зычным голосом: «Не дай Бог нам бывать ко Киеву, не дай Бог видеть русских людей! Неужто в Киеве все таковы?!». Сослужил богатырь Илья добрую службу Красному Солнышку – князю Владимиру...

Выходящий из пределов возможного, яркий образ богатыря -насадителя порядков в стране и оборонителя стольного города сливается во многих былевых пересказах с образом мудрого советчика великокняжеского, не останавливающегося ни перед какими затруднительными обстоятельствами, не знающего своей силе преграды ни в чем. Но князь стольнокиевский далеко не всегда держит в чести старого богатыря: не только силой грузен Илья Муромец, крестьянский сын, – богат он и смелою правдой-маткою... Не по сердцу, под иной час, князьям правда мужицкая,

серая, «неумытная». Попадает за нее и Муромец Илья, вместо милостей княжеских, в погреба – под затворы железные... Но и это не умаляет его правдолюбия... Не мириться вовек ему, правому, с кривдой-лестью, змеей подколодною, из-за синего моря далекого заползающей и в рубленные палаты-хоромы ко Красному Солнышку Русской Земли, Руси древнекиевской.

Могучий богатырь, он не имеет себе равного в этом отношении во всей семье-дружине хороброй. Потому-то так крепко и помнит о нем деревенская сермяжная Русь.

За св. Ильєю Муромским Игнатий-Богоносец идет, двадцатый день декабря-месяца ведет на широкий светлорусский простор. На Игнатия во многих местах Руси великой поднимают иконы и, с молебным пением, носят вокруг села. Это, по верованию народа, охраняет всю худобу-рухлядь мужицкую на зиму ото всякой напасти. На вторые сутки после Богоносца (22-го декабря) – память святой Анастасии-узорешительницы. Молитва к этой великомученице, – гласит простонародная мудрость, – способствует благополучному разрешению от бремени. Потому-то и служится в этот день столько молебнов по церквам. 23-го декабря – день св. Феодула. «Пришел Феодул, ветер подул – к урожаю!» – говорит подсказанная долгим сельскохозяйственным опытом деревенская примета. Пройдут «зимние Феодулы», – приведут сочельник, канун великого праздника, Рождества Христова. «Пришла Коляда накануне Рождества», – заколдуют под окнами ребята малые, а, словно вторя им, раздается наугро из уст старцев убогих и древлебожественный стих духовный, посвященный всей жизни Христа, починающийся умильными словами:

«Иисусе прекрасный,
Чистоты цвет ясный!
Поведай нам, Господь Бог Сам:
Откуда родился,
На земли явился,
Возможно ли знати,
Разум подати!»

За Рождеством идут Святки, веселье ведут разгулюю, несут забавы, поверья да предания всякие. О Святках – свой особый сказ.

В «Месяцеслове» калик-перехожих есть свое песенное слово и о декабре-месяце. «Молим вас, святити вси, к нам ныне приспети, егда хоцем от души пеньми вас воспети», – начинается этот стих, немедленно переходящий к славословию памятуемых в декабрьские дни святых угодников Божиих: «Тя, пророче Науме, верно призываем, с Овакумом чудным усты восхваляем. И освященный Савво, отче богоносный, великий Николае, дивный чудотворче, с Амвросием словесну жертву вам приносим, с Потапием блаженным и помощи просим: в бедах нам и напастех присно помогайте и от всяких печалей, молим, избавляйте. Бога прамати Анно, заченшим тя плодом моли за ны к Богу с неплодным отродом. Ергогене, Евграфу, Мино страстотерпцы, Данииле с Лукою, на столпах страдальцы, Спиридоне, Киприном чудотворец славный, Евстратие с Орестом, лик пятострадалный, Фирсе и Филимоне, мученицы честнии, Елефферие, Павле, жители небеснии, Аггее, Данииле, славни пророцы, со Ананием в печи бывши отроцы, с дружиною всею и Севастияне, Христа о нас молите. Вонифатие славне, Игнатие, сомленный Львовыми зубами, Улияно, пре-

буди, мученице, с нами. Петре, Анастасие, узы разреши грехов наших и страстей, с Десятию в Крите. Евгение, страдалнице, облегчи недуги. Рождся Христе от Девы, расторгни вся втуги. Дево, твоим Собором, Иосифе честный, Стефане, возсияйте свет свыше небесный. Две тме Никомидийских со многими младенцы, Троице святей молитесь о нас страсотерпцы. Маркелле, Анисие, Зотиче, царствуйте, Мелание, и нам всем жизнь ходатайствуйте!»

Святками декабрь кончается; ими же начинается и первый месяц нового года. Слывет начало января «перезимьем».

На католическом Западе, где Богослужение совершилось и совершается на непонятном для народа латинском языке, духовные представления становились необходимой потребностью в целях насаждения понятий о правилах веры и запоминания событий Ветхого и Нового Завета. Православие же, родное по языку каждому исповедующему его народу, не нуждалось в такой наглядности своей проповеди, почему и церковное лицедейство не получило у него такого права гражданства, как в недрах католической церкви. Но, тем не менее, отголосок средневековых «мистерий» слышится и в летописях нашего богослужебного обихода XV-XVII столетий. Русские церковные, правда, очень немногочисленные, «действия» – прямое порождение западно-католических мистерий, превращавших храм в место зрелищ. Сохранились сведения только о четырех действиях древнерусской Церкви: это – «Пещное действие», «Действо Страшного Суда», «Шествие на ослыта» и «Действо омовения ног», сохранившееся в некоторых своих частностях и до нашего времени. Первое совершалось в последнее воскресенье пред Рождеством Христовым; второе – в неделю мясопустную, т. е. в воскресенье пред Масленицею; третье – в неделю Ваий, в Вербное Воскресенье; четвертое – в Четверг на Страстной седмице. Этих четырех действ, по справедливому замечанию А.Н. Веселовского (Александр Николаевич Веселовский – известный историк литературы, брат автора «Славянских сказаний о Соломоне и Китоврасе», «Истории романа и повести», «Разысканий в области русских духовных стихов» и других исследований, родился в Москве в 1843-м году, а образование получил на филологическом факультете московского университета. Первый печатный труд его («Музыка у славян») помещен в «Русск. Вестнике» 1866 г. Через четыре года появилась книга его «Старинный театр в Европе». Он принимал деятельное участие в «Беседе», «С.-Петербур. Ведом.», «Неделе», «Вестн. Европы», «Русск. Ведомост.» и других изданиях. Им записаны замечательные этюды о Свифте, Мольере, Бомарше и западном влиянии в русской литературе. Очерки о Мольере доставили ему (в 1879 г.) диплом почетного доктора московского университета и открыли путь к профессорской деятельности), было слишком недостаточно для зарождения драмы в самой церкви, и если бы позднее заимствование школьной мистерии не вызвало к недолговечной жизни духовный русский театр, то и самое существование его было бы у нас немислимо.

«Пещное действие», давно уже исчезнувшее без следа из нашей церковной обрядности, представляло собою самый любопытный образец древнерусского церковного зрелища. Своеобразный чин этого дей-

ства занесен на страницы «Древней Российской Вивлиофики» Н.И. Новикова; некоторые особенности его сохранились в записках нескольких иностранных путешественников. Утратившись в народной памяти, оно не могло сделаться достоянием изустного предания, а потому всецело перешло в область письменности. Несомненно совершавшееся и в других больших городах, оно происходило в Москве, Вологде и Новгороде, причем в последнем сохранялось дольше всех других городов и совершалось с наибольшей торжественностью. Памятником новгородского чина этого «действия» хранится в императорской академии художеств, перевезенная, по свидетельству Н. И. Костомарова, в конце 50-х годов XIX-ого столетия «Новгородская халдейская пещь» («Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа»). О начале возникновения этого стародавнего благочестивого обряда нашей Церкви не встречается указаний ни у одного из пытливых исследователей русской старины, – равно как нет и разъяснений причины предпочтения, оказанного изображавшемуся в нем в лицах ветхозаветному событию перед всеми другими, наиболее чествуемыми церковью и народом.

Еще за несколько дней до последнего воскресенья пред Рождеством Христовым начинались приготовления к этому торжественному зрелищу. В соборе разбирали паникадило над амвоном и готовили для установки на месте последнего «пещь». Это был полукруглый поставец без крышки, с боковым входом на подмошке. Разрисованные соответствующими изображениями стены «пещи» были разделены на части двенадцатью столбиками, «зело искусно» украшенными позолоченной резьбой. По крайней мере, такую представляет «халдейская пещь», хранившаяся до конца пятидесятих годов XIX-го столетия во главе Софийского новгородского собора. В субботу после обедни, по распоряжению соборного ключаря, пономари убрали амвон и устанавливали пещь. Возле последней ставилось несколько железных «шандалов» с витыми восковыми свечами. Благовест к вечерне в этот день звучал особой торжественностью и продолжался не менее часа. Начинаясь вечерня. В переполненный народом собор входили три отрока, одетые в парчовые стихари с венцами, или – как это было в Вологде – с обшитыми заячьим мехом и позолоченными шапками на головах. Это были певчие или монастырские служки, которым предназначалось изображать в лицах Ананию, Азарию и Мисаила – отроков, «ввергнутых в пещь Вавилонскую». За ними появились: «отроческий учитель» и «халдеи». Последние, по свидетельству Олеария, были в длинных хламидах из красного сукна, с деревянными раскрашенными шляпами на головах. Их длинные бороды были намазаны медом, в руках у них были белые «убрусы» (полотенца), которыми и связывались руки отрокам перед тем, как ввергать их в пещь. Кроме убрусов, халдеи держали еще особого устройства трубы с вложенною в них травой и с огнем. «Учитель отроческий» присутствовал для того, чтобы наблюдать за правильным ходом действия. В храм вступал митрополит; впереди шли «отроки» с зажженными свечами. Справа и слева сопутствовали святителю «халдеи». Отроки через северные врата входили в алтарь одновременно с владыкой; халдеи – оставались в трапезе. За вечерней первые пели вместе с подьяками, вто-

рые – безмолствовали. За шесть часов до рассвета, по установившемуся годами обычаю, начиналось само действо. Митрополит шествовал к заутрене в том же самом порядке, как и к вечерне – сопутствуемый отроками и халдеями. Заутреня служилась с особой торжественностью. Когда кончалась седьмая песнь канона, посвященная воспоминанию о трех отроках, ввергнутых в печь Вавилонскую, запевался особый канон в честь Анании, Азарии и Мисаила, все ирмосы которого применялись к повествованию пророка Даниила. При исполнении седьмой песни этого канона, учитель отроческий выступал вперед, творил троекратные поклоны пред иконами и, обратившись к митрополиту, возглашал: «Благослови, владыко, отроков на уреченное место ставить!» Владыка благословлял его со словами: «Благословен Господь Бог наш, изволивый тако!» И тогда спрашивавший благословение подходил к отроком, перевязывал полотенцами и «предавал» их стоявшим в ожидании своей очереди начинать действо халдеям. Последние, взявшись за концы изображавших оковы «убрусов», шли – один впереди, другой позади отроков, которые держались друг за друга руками. Перед обставленной горящими свечами «пещью» (число подсвечников, окружавших последнюю, доходило до пятидесяти), один из халдеев произносил, указывая пальмовой веткою на печь: – «Дети царевы! Видите ли печь сию, очень горящу и весьма распаляему?» Другой халдей заканчивал обращение товарища словами: «Сия печь уготована вам на мучение!» Тогда отрок, изображавший собою Ананию, отвечал: «Видим мы печь сию и не ужасаемся ея; есть бо Бог наш на небесах. Ему мы служим, – Той силен изъята нас от печи сия!» Отрок Азария добавлял: «И от рук ваших избавит нас!» Мисаил заканчивал ответ словами: «И сия печь будет не нам на мучение, а вам на обличение». Вслед за этим ответом соборный протодиакон, став в царских вратах, зажигал «свечи отроческие» и отроки пели: «И потщимся на помощь!» Они приготавливались к предстоящим мучениям. Протодиакон передавал свечи митрополиту, который и вручал их подступающим к нему отрокам, благословляя их на муки. Учитель отроческий, еще перед получением ими благословения святительского, развязывал их. В это время происходил обмен слов между халдеями, звучавший – в противовес умилению, проникающему речи страдальцев-отроков – грубой резкостью. Этим как бы нарочно подчеркивалась разница между первыми и последними. «Товарищ!» – произносил один из мучителей – Чево? – отзывался другой. – «Это дети царевы?» – Царевы. – «Нашего царя не слушают?» – Не слушают! – «И златому тельцу не поклоняются?» – Не поклоняются. – «И мы вкинем их в печь?» – И начнем их жечь!.. – Затем халдей, взяв Ананию под руки, «ввергали» его в печь, обращаясь к Азарии со следующими словами: «А ты, Азария, чего стал? И тебе у нас то же будет!» Когда все три отрока были введены на приготовленное им для мучения место, к «пещи» подходил очередной «звонец-пономарь» с сосудом, наполненным углями, и ставил его под нее. После этого раздавался возглас протодиакона: «Благословен Господи Боже отец наших! Хвално и прославлено Имя Твое вовеки!» Этот возглас повторялся отроками; а их мучители, размахивая ветвями, как бы раздували огонь. Протодиакон читал песнь: «Правы пути Твои, судьбы истинны сотворил еси!» Раздавалось пение дяков.

На слова протодиакона: «И распаляется пламень под пещию»... – собор оглашал ответ отроков: «яже обрете о печи халдейстей». В это время ключарь собора принимал от святителя благословение – «ангела спустити в печь». Дяконы принимали от халдеев трубы с огнем. Протодиакон восклицал: «Ангел же Господен купно со Азариною чадию в печь» и т. д. При произнесении стиха «яко дух хладен и шумящ» – появлялся ангел, держа свиток и с шумом спускаясь в средину печи. Халдеи при его появлении падали ниц, и дяконы опаляли им бороды свечами. Халдеи начинали снова свой разговор: «Товарищ!» – Чево? – «Видишь ли?» – Вижу! – «Было три, а стало четыре». – Грозен и страшен zelo, образом уподобился Сыну Божию! и т. д. В это время отроки припадали к ангелу, держась за его крылья руками. Ангел поднимался (на веревках) вместе с ними и бросал их (также, конечно, опуская на веревках), сверху. Протодиакон читал песню отроков, они пели ее, дяки вторили им на обоих клиросах поочередно. Халдеи, со вновь зажженными свечами, стояли «поникнув главою». При пении: «Благословите триеотроцы», ангел спускался, с громом и шумом, в печь; халдеи падали наземь от страха. Ангел снова поднимался; мучители подходили к печи и, отворив двери ее, без шапок на головах, произносили: «Анания! Гряди вон из печи! Чего стал? Поворачивайся!.. Неимет вас огонь, ни солома, ни смола, ни сера. Мы чаяли – вас сожгли, а мы сами сгорели!..» После минутного молчания, они выводили отроков, одного вслед за другим. Надев на себя упавшие на пол при первом появлении грозного для них ангела деревянные шапки, – они, взяв в руки свои трубы с огнем, становились справа и слева от спасенных ангелом отроков. В соборе раздавалось громopodobное многолетие «царю-государю и всем властей предержащим». За этим многолетием продолжалась по обычному порядку прерванная действием заутреня. После пения «Слава в Вышних Богу», соборный протопоп входил вместе с отроками в пещи и читал там Евангелие. Затем печь убирала и ставила амвон на прежнее место. Пещное действо кончалось – до следующего года. На присутствовавших в соборе при совершении действия последнее производило каждый раз неотразимое впечатление, хотя все это и выполнялось с самой первобытной наивной грубостью простодушной старины.

В XVII-м столетии церковный обряд «Пещерного действия» слился в понятии простолоудинов с обычаем святочного ряженья. «Халдеи» расхаживали по городу вместе с ряжеными – «на посрамление врага рода человеческого». Вместе с ряжеными они, по рассказам очевидца – Олеария, надев безобразные «личины», ходили из дома в дом, кривлялись на улицах и площадях, привлекая к себе внимание своими красными хламидами и деревянными шапками. Они ежегодно получали разрешение от митрополита (а в Москве – от патриарха) в течение всех Святков «бегать по улицам с потешными огнями», поджигать бороды зазевавшимся мужикам и всячески потешаться. В день Крещения Господня «иордань» являлась «колодезем очищения от всякия скверны бесовской»: в ледяной проруби они купались вместе с ряжеными и всякими другими «блазнями».

Веселые Святки давали в старину широкий простор всякому «глумотворству». «Комидийное дело», зарождавшееся в те времена на Руси при помощи зазятых «глумцов» – скоморохов, конечно, не имело

ничего общего по содержанию и обстановке с со-
вершавшимся по освященному преданием чину дей-
ством. Это выращенное грубоватым народным сме-
хословием произведение народной веселости имело
пристанище только на улице, в толпе разгулявшего-
ся люда. Переходя за границы пристойности, наши
первые русские «комедианты» вызывали на себя все-
возможные нарекания со стороны духовенства. При
царе Михаиле Феодоровиче на скоморошество было
воздвигнуто настоящее гонение.

Но при сыне Михаила Феодоровича суждено
было веселому действу – только на другой, никого не
вводившей в соблазн основе – проникнуть даже в са-
мые палаты царские, «пред светлыми очи государевы».
Народился русский (правда, с немецкими лицедеями)
театр; началась летопись русской сцены. Под влияни-
ем Матвеева (*Артамон Сергеевич Матвеев – боярин,
знаменитый деятель московской Руси. Он родился в
1625-м, умер в 1682 году. В молодости он участвовал
в целом ряде войн. Сближение с царем Алексеем Ми-
хайловичем, взявшим – после смерти первой супруги
своей – в жены воспитанницу Матвеева, Наталию
Кирилловну (впоследствии мать императора Пе-
тра Великого), сослужило немалую службу русскому
народу. В лице Матвеева на Русской Земле появился
друг иностранцев, проживавший в дебрях допетров-
ской косности первую тропу европейскому просве-
щению. Смерть царя Алексея Михайловича отстра-
нила Матвеева от двора государева: он по прои-
скам своих недругов был сослан в Пустозерск, откуда вер-
нулся лишь после кончины царя Федора Алексеевича
(в 1682 г.), снова удостоился почестей, но всего на
несколько дней, так как пал одною из первых жертв
стрелецкого бунта, поднятого по наущению привер-
женцев старины, враждебной всяким «новшествам»
и других передовых русских людей того времени,
стоявших на рубеже перерождения стародавнего
уклада, царь Алексей Михайлович мало-помалу шел
навстречу европейской жизни. В 1675-м году в пала-
тах государевых появился новоприбывший в Москву
немецкий оркестр Готфрида Иоганна Грегори. Заслу-
жив «зело искусной игрою» одобрение царя, немчин
признался боярину Матвееву, что он приехал на Русь
– с целью открыть театральные представления, и что
все его товарищи – не только «игрецы», но и «коме-
дийнаго дела мастера». Не прошло и месяца по при-
бытии Грегори в Москву, как, с разрешения государя,
во дворце села Преображенского давалось первое на
Руси представление: «Комедия, как Алаферна царица
царю голову отсекала». За нею шли: «Комедия об Ар-
таксерксе и Амানে», «Мистерия о Товии и сыне его» и
другие. Первого сентября 1677 года пред «синклитом
царевым» была разыграна в «комедийской хороми-
не» комедия Симеона Полоцкого (*Симеон Полоцкий
– русский духовный писатель XVII-го века. Он родился
в 1629-м году в гор. Полоцке, учился в киево-могилян-
ской коллегии, по окончании курса которой принял
монашеский сан с именем Симеона (мирское имя его
неизвестно) и стал «дидакалом» (учителем-вос-
питателем) в полоцкой братской школе. В 1664-м
году он переселился в Москву, по приглашению царя
Алексея Михайловича, и занялся обучением молодых
подьячих Тайного Приказа – в Спасском монастыре
(за Иконным рядом). Одновременно с этим он занял-
ся сочинительством. В 1667-м году была издана его**

*книга Жезл правления на правительство мыслен-
ного стада православно-российская церквы», и он
был назначен воспитателем царских детей. Вскоре
затем появились его сочинения: «Вертоград много-
цветный» (сборник стихотворений), «Житие и уче-
ние Христа», «Книга кратких вопросов и ответов»
и «Венец веры католическия». Проповеди, произно-
сившиеся им с церковной кафедры, собраны и изда-
ны после его смерти («Обед душевный» и «Вечеря ду-
шевная»). В 1680-м году были изданы переложенный
Полоцким в стихи «Псалтирь» и стихотворный же
сборник «Рифмологион». Кроме того, им написаны ко-
медии: «О Навуходносоре царе» и «О Блудном сыне»,
пользовавшиеся успехом в новорожденном русском
театре. Деятельность С. Полоцкого – как писателя,
проповедника и педагога – оказала большое влияние
на современное ему, находившееся в младенческом
состоянии русское общество. Умер он в 1680-м году
и похоронен в Заиконоспасском монастыре) – «О На-
вуходносоре-царе, о теле злате и о трех отроках, в
пещи сожженных». Как видно и по самому заголов-
ку ее, это было не что иное, как обработанное в бо-
лее стройном виде древнерусское «Пещное действо».
Ветхозаветный рассказ сохранен здесь с большей
близостью к правде былого. «Комедия» открывается
выходом Навуходносора. Он отдает повеление воз-
двигнуть ему драгоценную статую и поклоняться ей.
Слуги гордого царя, отдернув завесу, показывают ему
его «образ» и раскаленную печь. Все преклоняются
перед статуей. Трех отроков еврейских, не исполня-
ющих повеления, бросают в пламя шесть воинов. По-
раженный невредимостью отроков, Навуходносор
возвещает страдальцам свою милость, «хвалит Едино-
го Бога» и отдает новый приказ: «Аще кто дерзнет Бога
хулити, убиен буди, а дом расхитите повелеваем!» Гру-
бая шероховатость действия в «комедии» значительно
сглажена ее сочинителем.*

Со времени сооружения «комидийной хороми-
ны» в Москве, мало-помалу начали исчезать из храмов
«действия». Отголосок западноевропейских «мисте-
рий» нашел себе место в стенах учрежденного царем
первого русского театра, всецело посвященного в эту
пору своего существования событиям Священного
Писания.

ЗИМНИЙ НИКОЛА

«Зима – за морозы, а мужик –
за праздники!», «Как ни зноби мо-
роз, а праздничек веселый теплее
печки пригреет!» – говорят на
посельской-попальной Руси. Де-
кабрьское звено праздников, свя-
занных в народной памяти с раз-
личными поверьями, обычаями
и сказаниями, начинается шестого декабря зимним
Николиным днем («Зимним Николою»). Хоть, – как
уже говорилось выше, – великомученица Варвара, по
представлению народной Руси, «мосты домашивает»,
а за нею святой Савва «гвозди вострит», да «реки са-
лит», – а все-таки, – добавляет деревня, – «Хвали зиму
после Николина дня!». Но одновременно с этим мож-
но услышать в народе и другие поговорки-приметы,